

Этнизация национализма в России

18 марта 2014 года Владимир Путин обратился к Федеральному Собранию Российской Федерации с судьбоносной речью, в которой оправдывал аннексию Крымского полуострова, произошедшую в тот же день. Часть заявлений оставалась вполне в рамках классической путинской риторики — в “Крымской речи” он говорил о необходимости строить и защищать сильное государство в России, жаловался на двойные стандарты Запада в международных отношениях и т.п. Но в речи прозвучал и новый тезис: о русском народе как об этнической общности. Путин заявил, что с распадом Советского Союза “русский народ стал одним из самых больших, если не сказать, самым большим разделённым народом в мире”¹. И очевидно, что, говоря о “русском народе”, он имел в виду не “(многонациональный) народ России”, а именно “этнических русских”, где бы они ни жили, пусть и за границей.

С тех пор как Путин пришел к власти, западные СМИ регулярно называют его “националистом”. Тем не менее, путинский тип национализма явно имел государственническую природу, точнее, *державническую*, с сильным упором именно на государство, *державу*. В статье “Россия на рубеже тысячелетий”, опубликованной 30 декабря 1999 года, за день до назначения его исполняющим обязанности президента, Путин подчеркивал, что потребность в сильном государстве занимает центральное место в российской идентичности, и говорил о культурных основах российской государственности². Что характерно, в той статье он *ни разу* не употребил прилагательное

“русский”. Целый раздел в ней Путин посвятил тому, что сам считает “традиционными ценностями россиян”, при этом неизменно называя эти ценности именно “российскими”, даже если речь идет о тех ценностях, на которые множество авторов до него указывали как на типичные для этнических русских, но не обязательно характерные для других народов России.

Замена прилагательного “российский” на “русский” в российском политическом дискурсе, как мне кажется, не просто подбор точной формулировки; она отражает фундаментальный сдвиг в характере национализма и национальной идентичности, произошедший в России за последние десятилетия — переход от государственничества к этнонационализму. Эта перемена видна на самых разных уровнях общественной и политической жизни. И прежде чем она проявилась в речи Путина, ее следы можно было обнаружить в публичном оппозиционном дискурсе.

Итак, что привело к новому, “этническому” повороту в российском самосознании? Самый простой ответ — распад СССР; но он далеко не исчерпывающий. При Ельцине как сам режим, так и его критики придерживались государственно-ориентированного национализма самого разного толка: приверженцы жесткой линии, ностальгирующие по советскому режиму (“красно-коричневая” оппозиция), тосковали по утраченной сверхдержаве, в то время как сторонники Ельцина старались добиться от сограждан массовой поддержки Российской Федерации — нового российского

государства с уменьшенной территорией. В то время этнонационалисты как таковые были крайне немногочисленны и разобщены; они появились позднее.

Типология национализма в России

В 1985 году Джон Данлоп выдвинул тезис о том, что русский национализм имеет шансы со временем заменить коммунизм в качестве государственной идеологии³. А в 1990 году Александр Мотыль, напротив, заявлял, что русский национализм — это маргинальный феномен российского общества, который он отнес к разряду “мифов”⁴; ему вторил десятью годами позже Дэвид Роули, утверждавший, что в российской истории национализм *отсутствует*⁵. Очевидное разногласие коренится в разнице терминов, которыми пользуются исследователи. В представлении Роули и Мотыля то, что принято было считать русским национализмом, при ближайшем рассмотрении оказывается *империализмом*; а как утверждает Мотыль, “национализм и империализм — находятся на противоположных полюсах”⁶.

Политический, государственный национализм в многоэтничных государствах выглядит логическим парадоксом, только если ставить знак равенства между национализмом вообще и этническим национализмом. Одна из возможных причин, по которым Роули и Мотыль выбирают такую позицию, рассуждая о России — то, что национализм других, малых и средних, народов Российской империи и Советского Союза имел этнонационалистический характер⁷. Это неудивительно. Белорусский, узбекский, чеченский и прочие национализмы строились в большей степени на основе этнической общности — пока не существовало белорусского, узбекского или чеченского государства. Действительно, согласно типологии, которую ввел в оборот Ганс Кон⁸, национализм, возникающий в группах, лишенных государства и стремящихся к нему, характеризуется как “восточный” — в проти-

вовес “западному” национализму, — в основе которого лежит государство. Но хотя это различие помогает объяснить траекторию развития национализма у наций восточной части Европы, лишенных собственной государственности, оно совершенно не подходит для анализа националистического мироощущения восточноевропейских народов, связанных со “старыми” государствами Европы, таких как поляки, венгры или русские.

Даже если почти все “реально существующие” (или существовавшие) в России разновидности русского национализма принадлежат к смешанному типу, различия между ними и связанные с этим серьезные политические последствия становятся ясны, если задаться вопросом, что ими движет: интересы государства или интересы этнической группы “русские”. Я утверждаю, что наиболее важным является именно различие между теми, для кого главное — этническая принадлежность, и теми, для кого важнее государство. Однако поскольку границы российского государства изменились, мы также должны различать тех националистов, которые идентифицируют себя с современной Российской Федерацией, и тех, кто ориентирован на одну из ее предшественниц, сильно превосходящих ее по размеру, будь то царская империя или СССР. Для этой цели я буду использовать модель двух осей, которую предложил Свен Гуннар Симонсен в 1996 году⁹ (См. Рисунок 1 на стр. 3).

Эти две оси измерений следует воспринимать не как набор дихотомий, а скорее как некий континуум, а четыре графы в таблице — как веберовские идеальные типы.

В этой статье, пользуясь введенной выше терминологией, я утверждаю, что произошел явно различимый сдвиг от А к В по горизонтальной оси и от I к II по вертикальной. Это движение стало набирать скорость после распада Советского Союза и может быть связано с двумя проблемами, возникшими в результате этого процесса: появлением “новой диаспоры” в 1990-е годы и потоком неквалифицированной рабочей силы из бывших советских республик в Россию после 2000 года.

Рисунок 1

Территориальная ориентация	А Преимущественно государственнические	В Преимущественно этнические
I. «Имперская» ориентация	1 Национализм «хранителей империи»	2 «Шовинистический» национализм
II. Ориентация на «русские земли» ('Core' oriented)	3 Российский гражданский национализм	4 Этноцентричный национализм

До 1988-1989 годов большинство россиян, в том числе практически все националисты, говоря “государство”, подразумевали СССР. И лишь когда это государство зашаталось под натиском нерусского национализма, в самом термине возникла некоторая неоднозначность. В 1989 году вышла основополагающая статья Романа Шпорлюка, в которой он описывает “хранителей империи” и “строителей нации”: первые — это те, кто стремился сохранить СССР, а вторые — те, кто рассматривал перспективу распада унитарного государства как возможность преобразования РСФСР в российское национальное государство или ожидал, что в результате распада СССР возникнет территория, на которой такая общность могла бы образоваться¹⁰.

Сегодня, спустя четверть века после выхода статьи Шпорлюка, после того, как СССР окончил свои дни, выросло новое поколение русских, которые никогда не знали другой родины, кроме Российской Федерации. Нельзя сказать, что “хранители империи” испарились. Они все еще существуют — в облики разнообразных “ностальгирующих по империи” или “евразийцев”. Одни воспевают многонациональность Советского Союза (на нашем рисунке это ячейка 1), другие лелеют мечты о большом и сильном государстве, в котором русские занимают привилегированное положение по сравнению с другими нациями (ячейка 2).

Русский национализм позднесоветского периода

Джон Данлоп называл русских националистов, входивших в число послевоенных диссидентских движений, “культуралистами” (или “возрожденцами”, в его терминологии); он считал, что в их идентичности главное — культура, а не государство¹¹. Они были глубоко озабочены сохранением традиций и памятников русской культуры, обеспокоены упадком русской деревни, при этом некоторые из них были практикующими православными. Другие исследователи обнаруживали в среде антисоветски настроенных русских националистов гораздо более внушительный элемент государственничества и агрессивного мессианства, иногда доходившего до прото-фашизма и даже фашизма¹². При этом важно, что ни государственники-диссиденты, ни “возрожденцы” не подвергали сомнению территориальную целостность советского государства — за редчайшими, но важными исключениями. Самый известный пример — Солженицын, который призывал лидеров советского государства отпустить Среднюю Азию и сосредоточить усилия государства на развитии русского Севера¹³. Безусловно, Солженицын ни при каких обстоятельствах не мог себе представить отторжения тех частей советского государства, в которых преобладало славянское население — Украины, Белоруссии и Северного Казахстана. Тем не менее,

сочетая этническое обоснование с готовностью пожертвовать величием государства, он предвосхитил позднейшее развитие этноцентричного национализма (ячейка 4 в моей матрице).

Национализм после распада централизованного Советского государства

Распад СССР неизбежным образом изменил траекторию националистического мышления¹⁴. С точки зрения Георгия Мирского, практически сразу произошло разделение на два основных направления: этнический русский национализм, с одной стороны, и внеэтническая лояльность к Российской Федерации, с другой.

“Раньше факт этнической принадлежности к русскому народу казался само собой разумеющимся, но вдруг в одночасье он стал отличительным признаком... И именно тогда на передний план вышел этнический русский национализм”¹⁵.

По Мирскому, четвертая ячейка моей матрицы, ранее населенная лишь отдельными маргиналами, неожиданно вместила миллионы русских. Тем не менее, как утверждает Мирский, поначалу этническую солидарность перекрывало другое сильное переживание: чувство, что все эти нации, вне зависимости от этнического происхождения, принадлежат к России. На этом был основан новый проект национального строительства, которым занялась администрация Ельцина в 1990-е годы¹⁶. Третий сектор таблицы, в который помещен неэтнический национализм, формирующий себя вокруг нового российского государства (Российской Федерации), некоторое время привлекал многих россиян.

Хотя наблюдения Мирского кажутся мне важными и, в целом, точно отражают суть дела, я думаю, что по двум вопросам он заблуждается. Во-первых, два подвида российского государственного национализма следует рассматривать не как последовательно сменяющиеся друг друга *стадии*, а как сосуществу-

ющие феномены. Ориентация на этнос действительно со временем усилилась в ущерб государственническому направлению, но этот процесс, я уверен, начался *после* выхода книги Мирского в 1997 году. Во-вторых, Мирский недооценивает все возрастающую силу тех разновидностей русского национализма, которые ориентируются на “советское” (“имперская” ось предложенной мною матрицы). В самом деле, можно утверждать, что имперски-ориентированный национализм набирал силу в перестроечный период. Он становился все более артикулированным и организованным, приобретая характер “имперской охранительности” и как непосредственное следствие — “ностальгии по империи”. Ниже я представлю четыре основные тенденции в постсоветском русском национализме, опираясь на определенные выше категории.

“Советское” государственничество

Беспрецедентный подъем этнического национализма среди нерусского населения, который происходил в эпоху перестройки, поначалу не затронул этнических русских. Но когда националистическое возбуждение повлекло за собой требование союзных республик об отделении, этнические русские стали создавать организации, целью которых стало сохранение унитарного государства. Примечательно, что во многих республиках такие организации стали именоваться “*интердвижениями*”, тем самым сознательно противопоставляя себя националистическим движениям, объединявшим не-русских¹⁷. На I Съезде народных депутатов — новом суперпарламенте, созданном по инициативе Михаила Горбачева в 1989 году, — депутатская группа “Союз” ожесточенно билась за сохранение Советского Союза¹⁸.

В конце 1980-х — начале 1990-х годов некоторые русские националисты, которых десятилетием раньше Данлоп определил как ведущих *возрожденцев*¹⁹, такие как Владимир Осипов и Игорь Шафаревич, объединились с “хранителями империи”. В 1992 году подписи обоих — в прошлом диссидентов и борцов с коммунизмом — стояли под обращением, в

результате которого была создана ведущая антизападная, так называемая “красно-коричневая”, организация “Фронт национального спасения”. Их имена появились рядом с такими непримиримыми имперскими националистами, как Александр Проханов, Альберт Макашов и Сергей Бабурин, которых Стивен Шенфилд охарактеризовал как “фашистов”²⁰. Фронт национального спасения провозглашал своей целью “последовательное восстановление государственного единства страны”²¹. Обращение также подписали “красные” патриоты-государственники — в частности, лидер Коммунистической партии Геннадий Зюганов и Аман Тулеев.

“Красно-коричневые” проиграли борьбу за власть в октябре 1993 года, когда подконтрольный им российский парламент, осажденный войсками, подчинившимися Ельцину, был вынужден сдать под артиллерийским огнем. После такого поражения пути “красных” и “коричневых” патриотов разошлись, и стали хорошо видны важные различия между ними. Но и тогда обе стороны продолжали в основном придерживаться этнически-нейтральной версии государственного национализма. Зюганов проповедовал русский культурный национализм, но в дискуссии чаще всего старался не педалировать проблему этничности²². А вот позицию Владимира Жириновского и его Либерально-демократической партии определить труднее. Согласно Марлен Ларюэль, Жириновского нельзя с уверенностью отнести ни к “империалистам”, ни к “этнонационалистам”²³. С одной стороны, он призывал к созданию самодостаточного режима, при котором этнические русские будут иметь закрепленное законом преимущество; но в то же время “он отказывается... дать расовое определение “русскости”, подчеркивая языковую и культурную принадлежность к Русскому миру”²⁴.

В середине 1990-х годов одним из самых мощных, а то и главнейшим течением национализма в России стало неоевразийство. Название отсылает к движению евразийцев, появившемуся между двумя мировыми войнами, и нынешние евразийцы — вслед за предшественниками — придерживаются неэтнического определения нации. Ведущий

идеолог движения Александр Дугин отрицает этнонационализм и вместо этого призывает к “рациональному, непредвзятому национализму”²⁵. Дугин объявлял о наступлении “нового евразийского велико-континентального этапа русской истории, когда традиционное для русских расширение масштабов исторической миссии своего государства дойдет до самых последних пределов”; в таком государстве “сохранение всякого народа и этноса рассматривается как главная историческая ценность”.

Русский шовинистический национализм

В то время как большинство имперски-ориентированных русских националистов стараются избегать этнократического мышления, некоторые группы все же придерживаются взглядов, которые я обозначил бы как шовинистические. Это группировки, продолжающие традицию дореволюционного движения “Черная сотня”. Первая и главная из них — общество “Память”, скандально известное в перестроечные времена и сочетавшее монархизм и православный фундаментализм с фашистской символикой и идеологией²⁶. Схожую тенденцию демонстрируют и другие, менее крупные, группы, которые в разное время откололись от “Памяти”, но сохранили русско-шовинистическую ориентацию — такие как Русский национальный союз (РНС) и Национал-республиканская партия России (НРПР)²⁷. Обе эти партии имели сотни членов, но существовали в тени третьего имперски-шовинистического движения “Русское национальное единство”, ставшего к тому времени крупнейшей русской националистической организацией. По неофициальной информации, это воинственное и военизированное движение на пике своего существования имело десятки тысяч членов и 350 региональных отделений²⁸. Лидер РНЕ Александр Баркашов открыто провозглашал этнический русский национализм в противовес государственному патриотизму. Он заявлял, что национализм означает любовь к своей нации:

“Национализм, это любовь к своей Нации; признание Нации высшей ценностью, а всего остального, в том числе и государства с его политическим и экономическим устройством, — средствами для достижения высшего творческого проявления Нации”²⁹.

Использование нацистской символики, в том числе разновидности свастики, позволяет характеризовать движение РНЕ как фашистское³⁰. РНЕ провозглашало, что государство должно стать “этнической сущностью на службе титульной русской нации”³¹. Однако в начале 2000-х годов РНЕ фактически развалилось, и хотя в России по-прежнему существуют организованные фашистские группировки (о нынешних националистических ксенофобных движениях см. в статье Александра Верховского в этом номере - Прим. ред.), лишь некоторые из них продолжают имперскую традицию.

Российский гражданский национализм

Борьба за власть между Михаилом Горбачевым и его заклятым врагом Борисом Ельциным в позднеперестроечный период привела к тому, что сначала в июне 1990 года сторонники Ельцина обеспечили себе контроль над законодательной властью РСФСР, а затем в июне 1991 года — над новоучрежденным институтом президентства в РСФСР. В результате Ельцин и его сторонники стали идентифицировать себя с Российской республикой и продвигать ее интересы в противостоянии с союзным центром³². Именно трансформация РСФСР в национальное государство на основе идей гражданского национализма положила начало существованию Российской Федерации³³.

В 1990-е годы многие предсказывали, что феномен “новой” русской диаспоры ближнего зарубежья придаст мощный импульс возрождению русского национального (этнического) самосознания. Предполагалось, что дискриминация русских в постсоветских государствах вызовет всплеск этнической солидарности³⁴. Действительно, в определенный период в российских СМИ довольно широко

обсуждались проблемы диаспоры, однако ни в России, ни в самих русскоязычных диаспорах это не привело к широкомасштабной мобилизации³⁵. Тому было несколько причин; но, вероятно, наиболее важной стало то, как реагировали на эти события российские власти. Диаспора получала чрезвычайно мало поддержки как финансовой, так и риторической; и что принципиально важно — официальная позиция последовательно избегала этнической терминологии³⁶. Членов диаспоры (как русских, так и всех потомков граждан РСФСР) обычно называли “соотечественниками”. В официальных документах “соотечественниками за рубежом” считались как лица, имеющие российские паспорта, так и все прямые потомки российских граждан, проживающих за границей, которые отождествляют себя с русской культурой³⁷.

Фактически в основании проекта строительства российской гражданской нации лежат работы единственного его идеолога — Валерия Тишкова, директора Института этнологии и антропологии Российской академии наук. В отличие от большинства своих российских коллег, Тишков — убежденный сторонник конструктивистского подхода и верит в то, что нации создают националисты, а не наоборот. Он любит цитировать Массимо Д’Азельо, который писал: “Мы создали Италию, теперь будем делать итальянцев”³⁸. Тишков полагал, что Россия вполне может стать современным национальным государством с самосознанием и всеми необходимыми признаками европейского государства. Все структурные и культурные предпосылки для этого есть: “Россия более культурно однородна, чем многие другие большие и малые страны, считающие себя национальными государствами”³⁹. Тишков признает, что Россия является многоэтнической федерацией, но считает, что различные группы тесно связаны друг с другом. Повсеместное владение русским языком создает условия для всепроникающей социальной коммуникации внутри населения страны и способствует развитию сильного надэтнического самосознания, объединяющего нацию россиян. Тишков упорно настаивает на деполитизации этничности в России, но не ставит под сомнение существующую систему

этнотерриториальной автономии.

Тишков с удовлетворением отмечал, что во времена Ельцина некоторые из его соображений нашли свое отражение в официальных заявлениях и документах российского государства⁴⁰. Впрочем, постепенно он разочаровался в способности Ельцина следовать этим идеям, но с приходом к власти Владимира Путина вновь обрел надежду и стал заявлять⁴¹, что Путин наконец-то реализует его, Тишкова, российский национальный проект. Тишков выпустил несколько книг, в которых он утверждает, что существование российской нации, или российского народа, — для него эти понятия взаимозаменяемы — это установленный факт⁴². Таким образом, России уже не нужен собственный Д'Азельо. Тишков считает, что российская нация уходит корнями в далекое прошлое: по его мнению, и империя Романовых, и Советский Союз были национальными государствами⁴³.

Этноцентричный национализм

Однако сегодня едва ли можно говорить о том, что в России возобладали гражданский национализм Тишкова. Во время второго президентского срока Путина (2004-2008 годы) в России начался подъем этнонационализма, который ранее был исключительно маргинальным явлением даже внутри русского националистического движения⁴⁴. В 2009 году Александр Верховский отмечал, что «сегодня национализм в России не гражданский и даже не имперский а, напротив, почти исключительно этнический»⁴⁵. Возможно, это было преувеличением, но тенденцию Верховский определил абсолютно точно. Главной националистической организацией на тот момент было «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Хотя программа ДПНИ в многом строилась на основе многонациональности, — например, предлагала вернуть в российский паспорт графу «национальность», в ней, тем не менее, особо подчеркивалось требование признать русских «государствообразующим» народом Российской Федерации: «русский народ, который создал это государство [и] составляет большинство населения

страны»⁴⁶.

После декабря 2010 года российские власти запретили ДПНИ — которое, впрочем, возникло вновь в качестве одного из двух соучредителей нового движения «Русские», открыто объявившего себя «этнополитическим объединением»⁴⁷. Как объяснял бывший лидер ДПНИ Александр Белов-Поткин:

«Сегодня рождается новая нация, новая идентичность, новая самоидентификация. Я помню себя в школе, да, был Советский Союз, а сейчас другая реальность, мой сын так не думает уже. Этап имперский уходит на второй план»⁴⁸.

В рамках движения «Русские» бывшие члены ДПНИ сотрудничают с бывшими членами «Славянского союза» — еще одной запрещенной организации. «Славянский союз» обладал некоторыми чертами неонацистской организации, но, в отличие от подобных группировок последних десятилетий, таких как «Память» и «Русское национальное единство», был ориентирован на Россию, а не на бывший Советский Союз.

В новое этнонациональное течение в русском национализме входят также разнообразные партии и личности прозападной и демократической ориентации. Это в первую очередь относится к большому сегменту, который все чаще называют «национал-демократическим». Это весьма разнородная группа, в которую входят интеллектуалы — как те, для кого важнее этнический фактор, так и те, кого в большей мере интересует демократия⁴⁹. К последним относится Александр Севастьянов, который заявляет, что ««национал-демократия»: это демократия, действующая в рамках нации. Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное»⁵⁰ (курсив авторский).

Большинство национал-демократических лидеров не поддерживают эту точку зрения и настаивают на том, что в будущем русском национальном государстве демократически правами могут и должны быть наделены в полной мере все граждане, независимо от этнической принадлежности⁵¹. Они считают, что это возможно, поскольку этнические рус-

ские составляют подавляющее большинство населения России, более 80%; это, по их мнению, станет гарантией национального характера русского демократического национального государства.

Демографическое доминирование этнически русского населения возникло в результате распада СССР. Этнонационалисты пребывали в ожесточенном противостоянии с евразийцами и прочими движениями, но-стальгирующими по империи, которых национал-демократы стали называть “имперцами”. В 2011 году Константин Крылов, лидер Национально-демократической партии, говорил, что конфликт между этими двумя группами достиг уровня “открытой ненависти” и “войны на уничтожение”⁵². В процессе этой идеологической борьбы произошло несколько случаев перехода “имперцев” на сторону этнонационалистов⁵³.

Итак, хотя в 1990-е в число сторонников “Фронта национального спасения” входили бывшие “культураллисты” вроде Игоря Шафаревича и Валентина Распутина, в последующий период движение со всей очевидностью стало дрейфовать в противоположном направлении.

Национальному государству русских, по мнению новых этнонационалистов, угрожают не только “имперцы”. Война велась на два фронта: с другой стороны опасность представляла иллюзорная модель гражданского национализма Тишкова. Крылов саркастически называл современную Российскую Федерацию *Эрефией*⁵⁴, а Павел Святенков утверждал, что право русских на национальное государство ущемлялось не только в РСФСР, но и в Российской Федерации. Представитель аваров, одного из этнических меньшинств, может в равной степени назвать себя “аварцем” и “россиянином”, — подчеркивал Святенков. Потому что “аварцы” — этнос, а россияне — гражданство. “Для русского, однако, подобная фраза будет лишена смысла”⁵⁵.

Большинство русских этнических националистов не готовы удовлетвориться превращением современного российского государства в его нынешних границах в национальное государство русских. Они считают, что этнические русские, живущие в “ближнем

зарубежье”, являются частью русского народа, и требуют, чтобы те русские, которые компактно проживают за пределами России, имели право проводить референдум по вопросу присоединения к России той территории, на которой они проживают.

Этнонациональная риторика российского руководства

Хотя большинство русских этнонационалистов признают, что их влияние на публичную дискуссию в России ограничено, они с удовлетворением отмечают, что некоторые их идеи постепенно проникают внутрь кремлевских стен. Тем не менее, было бы большим преувеличением считать, что Путин и его окружение включили этнонационалистические идеи в государственную идеологию. В официальных документах и речах официальных лиц сочетаются, иногда входя в противоречие друг с другом, несколько разных дискурсов — государственно-гражданский, евразийский и этнонационалистический. Документы, подписанные Дмитрием Медведевым, как правило, продвигали тишковский взгляд на государство. Медведев регулярно использовал термины “российский народ” и “российская нация”, но редко — “русский народ”⁵⁶. В 2011 году Медведев, еще будучи президентом, заявил: “наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу страну”⁵⁷.

В преддверии президентских выборов 2012 года Путин в ходе своей предвыборной кампании опубликовал серию газетных статей, одна из которых называлась “Россия: национальный вопрос” и фактически была направлена против русского этнонационализма. Путин осудил “насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение”. Русские, заявил он, давно самоопределились, создав полиэтническую цивилизацию, скрепленную русским культурным ядром. И пока Россия продолжает существовать, русский народ является в ней государствообразующим.

“Попытки проповедовать идеи построения русского “национального”, моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности”⁵⁸.

В сущности, Путин сражается здесь с воображаемым противником, так как лишь немногие русские этнонационалисты поддерживают идею моноэтнического государства (единственное исключение — это Севастьянов). Напротив, большинство этнонационалистов хотят, чтобы современное российское государство воплощало “русскую государственность”, в которой русский народ признается “государствообразующим”. Оба эти выражения использованы в статье Путина. Таким образом, в официальную риторику Кремля, как ни странно, проникли обе базовые идеи этнонационалистов. Это дало возможность теоретику этнонационализма Олегу Неменскому увидеть в заявлении Путина не критику, а завуалированное согласие с их основными идеями. Неменский утверждал, что

“<..> тотальный отказ [Путина] от прежней линии на утверждение российской нации и переход к акцентуации русской этнической доминанты — огромная перемена в официальном дискурсе национальной политики. Фактически статья Путина легализует русский этноним в официальной лексике”⁵⁹.

Этнонационализм российского населения

Основываясь на результатах опросов, Борис Дубин утверждал, что в России национализм большинства в своей основе державный, а не этнический⁶⁰. Между тем большая часть данных, которые он сам цитирует в статье, свидетельствуют об ином. Так, например, 66% в большей или меньшей степени поддерживают лозунг “Россия для русских”, а 61% опрошенных сообщили, что испытывают негативные чувства по отношению к выходцам с Кавказа и иммигрантам из Средней Азии⁶¹. Опрос Ромир, проведенный в мае 2013 года под эгидой

проекта NEORUSS⁶², также показал, что этноцентристские и ксенофобские взгляды достаточно сильны в российском обществе. Когда мы задали тот же самый вопрос про лозунг “Россия для русских”, число поддержавших его составило 59,3% — чуть меньше, чем у Левада-Центра, но все равно существенное большинство. Тем не менее следует подчеркнуть, что сам термин “русские” содержит в себе неопределенность; в некоторых контекстах он может пониматься гораздо шире, чем просто этническая принадлежность к русским. На прямой вопрос 24,9% наших респондентов ответили, что для них “русские” — это “все граждане РФ, вне зависимости от национальности”, в то время как 30% считают, что это “преимущественно русские по национальности, но не только они”. И лишь 39% относят к таковым “только русских по национальности”. Таким образом, при интерпретации такого рода опросов необходимо учитывать широкий разброс значения слова “русские”.

Но даже с учетом этого некоторые данные опроса исследовательского холдинга Ромир свидетельствуют о высоком уровне этноцентричности и даже этнократичности: например, 73,9% “полностью согласны” или “скорее согласны” с утверждением, что “русские должны пользоваться преимуществами при назначении на высокие государственные должности”. Еще более примечательна поддержка, которую получило утверждение “Русский народ должен играть ведущую роль в российском государстве”: 47,4% выразили полное согласие с этим тезисом, и еще 34,6% ответили, что согласны с ним “в основном”

Заключение

В царской империи этнические русские не преобладали ни демографически, ни политически. Согласно переписи 1897 года, доля великороссов в населении страны составляла 44%, и русские не пользовались какими-то особыми привилегиями, в частности, не имели преимущества при занятии государственных должностей. У образованных представителей некоторых нерусских групп, например,

немцев или поляков, было даже больше шансов занять привлекательные должности в госаппарате⁶³.

Многие русские гордились своим подданством царю и идентифицировали себя с российским государством, но это была династическая монархия, а никак не “национальное” государство, и это государство ни в коем случае не “принадлежало” только им. В последние десятилетия существования империи проводилась политика русификации, но она была направлена не на строительство национального государства русских, а на приобщение “нерусских” к русской культуре.

В том, что касается территории, Советский Союз в целом может считаться естественным продолжением Российской империи. Национальная политика большевиков была различной в разные периоды советской истории, но, тем не менее, радикально отличалась от политики царского времени. Вместе с тем она не ставила себе целью формирование русской национальной идентичности и в этом не отличалась от политики Российской империи. Федеральная структура Советского Союза предоставляла всем основным нерусским национальностям этническую родину, которая называлась по имени нации и до некоторой степени позволяла сохранять культурную самобытность. Во всех союзных и автономных республиках осуществлялось обучение на национальном языке, по крайней мере в начальной школе, а иногда и на более высоких образовательных уровнях. Представители титульной нации занимали высокие посты в руководстве республик, в партии и правительственных структурах⁶⁴.

С 1932 года каждый советский гражданин имел гражданский паспорт, в котором была заполнена графа “национальность” (читай, этническая принадлежность). Это значит, что все нерусские жители разных частей страны, которым была присвоена этническая принадлежность, соответствующая одной из национальных республик, так или иначе идентифицировали себя с данной союзной республикой.

Для этнических русских дело обстояло иначе. В названии РСФСР первая буква “Р” оз-

начала не “русская”, а “российская”, и никто не подразумевал, что эта обширная и разнородная республика будет исключительной родиной всех русских по крови. РСФСР, будучи федерацией, включавшей в себя огромное количество этнических административных единиц, в некотором смысле была уменьшенной копией Советского Союза, хотя и была лишена некоторых главных атрибутов союзных республик — например, в РСФСР не было республиканской компартии или собственного отделения Академии наук: казалось, что это избыточно по отношению к соответствующим союзным структурам и будет их дублировать. Кроме того, русскоязычные школы и различные культурные учреждения были распространены по всему Советскому Союзу.

Именно по этой причине русское население (в значительно большей степени, чем нерусское) стало ассоциировать себя не с какой-то конкретной географической областью, а с СССР в целом⁶⁵. В некотором смысле “русское” оказалось немаркированным, нулевым свойством, противопоставленным “этническому”⁶⁶. Эта особенность также отразилась в идеологии русского национализма, которая в основном строилась вокруг мощи и размеров государства. Трудно себе представить русских националистов того времени, которые приветствовали бы уменьшение территории государства.

РСФСР впервые стала всерьез бороться за лояльность и самосознание этнических русских лишь в перестройку, по мере приближения распада СССР. Но даже в своей новой реинкарнации — Российской Федерации — страна сохраняла официальную мультиэтничность и не была национальным государством. Упорные попытки Тишкова продвинуть модель общегражданского российского национального государства практически все националисты считают малоинтересными. Однако их собственное видение русской государственной идеи далеко не однородно; более того, разные группы придерживаются совершенно различных взглядов на тот счет.

С одной стороны, значительная их часть все еще поддерживает державный, или имперский, вариант национальной идеи; с дру-

гой стороны, “новые русские националисты” явно ставят интересы этнической культуры и русских как этноса в целом выше интересов государства. И наконец, некоторые пытаются найти компромисс между имперской и этнической национальными идеями, что в итоге находит свое воплощение в “шовинистическом национализме” — термин, который я использую в данной статье. Это означает, что в ходе постсоветских дебатов о будущем русской национальной идеи все четыре ячейки в моей типологии национализма оказались востребованы. Однако некоторые оказались более “плотно заселенными” и продолжают отвоевывать сторонников у соседних позиций. Шовинисты — это незначительное и “вымирающее” меньшинство, их все меньше

не только среди населения России в целом, но и среди тех, кто называет себя националистами. Таким образом, остается три соперника, сражающихся за сердца и умы русского населения, а также за влияние на политическое руководство.

Присоединив Крым к России, Путин увеличил территорию Российского государства, и этот шаг имперцы и евразийцы встретили бурными аплодисментами. Для оправдания этого шага ему пришлось в какой-то степени воспользоваться риторическим репертуаром этнонационалистов. Пока что, по крайней мере вплоть до недавнего времени, Путину удалось перехватить инициативу у обеих групп.

Примечания

- 1 Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 2014. 18 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603> (доступ 17.11.2015).
- 2 Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 декабря. URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (доступ 17.11.2015). См. также: KOLSTØ, P., BLAKKISRUH H (Eds.) *Nation-building and Common Values in Russia*. Lanham, MD: Rowman&Littlefield, 2005.
- 3 DUNLOP J. B. *The New Russian Nationalism*. New York: Praeger, 1985. P. 92.
- 4 MOTYL A. J. *Sovietology, Rationality, Nationality: coming to Grips with Nationalism in the USSR*. New York: Columbia University Press, 1990. PP. 161–173.
- 5 ROWLEY D. G. *Imperial versus national discourse: the case of Russia* // Nations and Nationalism. 2000. Vol 6. №1. PP. 23–42.
- 6 Motyl A. J. *Op. cit.* P. 163.
- 7 См., например, SIMON G. *Nationalism and Policy toward the Nationalities in the Soviet Union: from Totalitarian Dictatorship to post-Stalinist society*. Boulder, CO: Westview Press, 1991; CARRÈRE D'ENCAUSSE H. *The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations*. NY, Basic Books, 1993.
- 8 КОHN H. *Nationalism, its Meaning and History*. NY: D. Van Nostrand, 1971. (хотя сам Кон не использовал этот термин)
- 9 О других моделях российского национализма, в которых выделены иные аспекты, см. YANOV A. *The Russian New Right: Right-Wing Ideologies in the Contemporary USSR*. Berkeley, CA: Institute of International Studies. 1978; Carter 1990: 138–39; Tolz V. *Conflicting “homeland myths” and nation-state building in Postcommunist Russia* // Slavic Review. 1998. Vol. 57, № 2. PP. 267–294; and Tuminez 2000.
- 10 SZPORLUK R. *Dilemmas of Russian Nationalism* // Problems of Communism. 1989. Vol. 38. № 4. PP. 15–35.
- 11 DUNLOP J. B. *Op. cit.*; DUNLOP J. B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1985.
- 12 YANOV A. *Op. cit.*; LAQUEUR W. *Black Hundred: the Rise of the Extreme Right in Russia*. New York: Harper/Collins, 1993; DUNCAN P. J. S. *Russian Messianism: Third Rome, Revolution. Communism and After*. London: Routledge, 2000. PP. 82–96; SHENFIELD S. D. *Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2001. PP. 40–44.
- 13 SOLZHENITSYN A. *Letter to the Soviet Leaders* // IDEM. *East and West*. New York: Harper and Row, 1980. P. 75–142.
- 14 DUNLOP J. B. *The Rise of Russia and the Fall of the Soviet Empire*, Princeton. NJ: Princeton University Press, 1993.
- 15 MIRSKY G. I. *On Ruins of Empire: Ethnicity and Nationalism in the Former Soviet Union*. Westport, CT: Greenwood Press, 1997. PP. 165–167
- 16 *Ibid.*
- 17 KOLSTØ P. *Russians in the Former Soviet Republics*. London: Hurst, 1995.
- 18 DUNLOP J. B. *The Rise of Russia*. PP. 147–151.
- 19 DUNLOP J. B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. P. 88.
- 20 SHENFIELD S. *Op. cit.*
- 21 Обращение к гражданам России оргкомитета Фронта национального спасения // День. 1992. 11–17 октября. С.11.
- 22 SIMONSEN S. G. *Raising the Russian Question: Ethnicity and Statehood, russkie and Rossiya* // Nationalism and Ethnic Politics. 1996. Vol 2, №1. PP. 91–110.
- 23 LARUELLE M. *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2009.
- 24 *Ibid.* P.100
- 25 LARUELLE M. *Russian Eurasianism. An Ideology of Empire*. Washington, DC: Woodrow Wilson Press/Johns Hopkins University Press, 2008. P.128.
- 26 LAQUEUR W. *Op. cit.*
- 27 SHENFIELD S.D. *Op. cit.* PP. 225–244.
- 28 LARUELLE M. *In the Name of the Nation*. PP. 56–57.

- 29 БАРКАШОВ А. Патриотизм или национализм? О неизбежности национальной революции // Русский порядок. 1993. №2. С.2.
- 30 О символе грядущей России // Русский порядок. 1993. №2. С.2.
- 31 LARUELLE M. In the Name of the Nation. P. 55.
- 32 DUNLOP J. B. *The Faces of Contemporary Russian Nationalism...*
- 33 BRESLAUER G., DALE C. *Boris Yeltsin and the Invention of a Russian Nation-State* // *Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13, № 4. P. 315–317; KOLSTØ P. *Political Construction Sites: Nation-building in Russia and the Post-Soviet States*. Boulder, CO: Westview Press, 2000. PP. 194–202.
- 34 MELVIN N. *Russians beyond Russia's Borders: the Politics of National Identity*. London: Royal Institute of International Affairs, 1995. P. 127. ZEVELEV I. *Russia and its New Diasporas*. Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2001. P.5.
- 35 KOLSTØ P. *Beyond Russia becoming local: Trajectories of adaptation to the fall of the Soviet Union among ethnic Russians in the former Soviet Republics* // *Journal of Eurasian Studies*. 2011. Vol. 2, № 2. PP. 153–163.
- 36 ZEVELEV I. *Op. cit.*
- 37 Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (доступ 18.11.2015).
- 38 Шакина М. *Нация — то же племя, но только с армией [Интервью с В.А. Тишковым]* // Новое время. 1992. №2. С. 9–12.
- 39 TISHKOV V. A. *What is Russia? Prospects for Nation-Building* // *Security Dialogue*. Vol. 26, №1. P. 49.
- 40 *Idem*. P. 48
- 41 *Интервью, взятое автором*. Москва, ноябрь 2013. Впоследствии я спрашивал Тишкова, не считает ли он, что слова Путина о “разделенном” русском народе подрывают основы концепции российского национального государства, но он не согласился. Даже после аннексии Крыма Тишков был готов доказывать, что в заявлениях российского президента концепция “нации” используется в надэтническом значении (переписка по электронной почте с автором, 24 марта 2014 года).
- 42 Тишков В.А. *Российский народ: Книга для учителя*. // М.: Просвещение, 2010; Он же (Ред.) *Российская нация: становление и культурное многообразие*. М.: Наука, 2011; Он же. *Российский народ: История и смысл национального самосознания*. М.: Наука, 2013.
- 43 Тишков В.А. *Российский народ*. С.7.
- 44 POPESCU N. *The strange alliance of Democrats and Nationalists* // *Journal of Democracy*, 2012. Vol. 23, № 3. PP. 46–54.
- 45 VERKHOVSKY A. *Future prospects of contemporary Russian nationalism* // LARUELLE M (Ed.) *Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia*. London: Routledge, 2009. P. 89.
- 46 Программа ДПНИ. URL: <http://www.dpni.org/articles/dokumenti/13255/> (доступ 07.03.2015).
- 47 См. <<http://rusnat.com>> (доступ 09.03.2015).
- 48 *Интервью, взятое автором*. Москва, октябрь 2013.
- 49 KOLSTØ P. *Russia's Nationalists flirt with democracy* // *Journal of Democracy*. 2014. Vol. 25, №3. PP.120–134.
- 50 СЕВАСТЬЯНОВ А. *Разбалансировка дискурса: Национал-демократия или национал-либерализм?* // Вопросы национализма. №13. С. 203.
- 51 *Интервью, взятое автором у Константина Крылова, лидера Национально-демократической партии*. Москва, октябрь 2013.
- 52 КРЫЛОВ К. “Умереть или помучиться?” К спорам о либерализме, имперстве и русском национализме // Вопросы национализма, 2011. №6. С. 3.
- 53 Редактор главного националистического журнала “Вопросы национализма” Сергей Сергеев признавался, что прежде чем окончательно примкнуть к этнонационализму, он попал под обаяние идей евразийцев. Примечательна смена идеологических предпочтений некоторых бывших лидеров “Фронта национального спасения”. К примеру, Илья Константинов, которого Вера Тольц назвала главным идейным вдохновителем, стоящим за влиятельными кругами Фронта, сочувствовал этнонационалистам. Также на их сторону переметнулся Виктор Алкснис, бывший лидер как “Союза”, так и “Фронта национального спасения”. В статье с характерным заглавием “Прощай, Империя! (Накануне русской России)” Алкснис писал: “я всегда был и останусь человеком с имперским мышлением, и мне трудно было согласиться с тем, что моя Великая Империя погибла”. Но тем не менее приходится приспосабливаться к новой реальности, пишет он: “в условиях перехода России от империи к национальному государству ... Необходимо разработать новые правила игры, которые, в первую очередь учитывали бы интересы государствообразующего народа — русского”. (Алкснис В. *Прощай, Империя! (Накануне русской России)* // Стратегический журнал. 2007. №3. С. 42, 46).
- 54 Крылов К. *Эрэфия как политическая реальность* // Русские вопреки Путину. М.: Алгоритм, 2012.
- 55 Святенков П. *Возможна ли российская идентичность?* // Вопросы национализма. 2010. №3. С. 3–4.
- 56 *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* // Президент России. 2008. 5 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (доступ 18.11.2015).
- 57 *Российская нация должна состоять из самобытных народов — Медведев* // РИА Новости. 2011. 11 февраля. URL: <http://ria.ru/politics/20110211/333366199.html> (доступ 18.11.2015).
- 58 Путин В. *Россия: национальный вопрос* // Независимая газета. 2012. 23 января. URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (доступ 18.11.2015).
- 59 МЕМЕНСКИЙ О. *Наследие и выбор* // Вопросы национализма. 2012, №9. С. 18.
- 60 ДУВИН Б.Л. *Национализм в России: общественные настроения и государственная политика* // Pro et Contra. №18. С. 15.
- 61 *Там же*. С. 9, 12.
- 62 *Строительство нации и национализм в России сегодня (Nation-building and nationalism in today's Russia)*. URL: <http://www.hf.uio.no/ilos/english/research/projects/neoruss/> (доступ 18.11.2015)).
- 63 См. KARPELER A. *The Russian Empire*. Harlow: Longman, 2001. PP. 285–323.
- 64 HODNETT G. *Leadership in the Soviet National Republics*. Oakville, TX: Mosaic Press, 1979.
- 65 KOLSTØ P. *Territorializing Diasporas: the Case of Russians in the Former Soviet Republics* // *Millennium*. 1999. Vol. 28, № 3. PP. 607–631.
- 66 BRUBAKER R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe* // Cambridge: Cambridge University Press, 1996. P. 49.